

UNITED WISDOM

Чужая тайна и необходимость предотвратить вред

Свобода и действие

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

A-15-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Чужая тайна и необходимость предотвратить вред

Эпиграф

> *Человек разумный хранит молчание.*

Притчи 11:12, заключительная часть; собственный перевод United Wisdom по King James Version. Изречение находится рядом с осуждением разглашения доверенного, но не даёт современного правила для всех случаев опасности.

О чём эта статья

В условной сцене Лена узнаёт от знакомого организатора, что площадка для небольшого мероприятия имеет неисправный запасной выход. Он просит не рассказывать: ремонт обещан, отмена обойдётся дорого, а за ошибку могут наказать сотрудника. Лена не проверяла помещение и не знает, существует ли другая безопасная площадка. Но приглашения уже отправлены, и организатор предлагает просто дождаться следующей недели. Здесь чужая тайна перестаёт быть только вопросом близости: решение может затронуть людей, которые не присутствовали при разговоре и не принимали его условий.

Сохранить доверие важно. Нельзя превращать любую тревогу в разрешение публиковать чужую переписку или собирать вокруг человека обвинительную аудиторию. Однако обещание молчать тоже нельзя рассматривать отдельно от предмета обещания, степени опасности и возможности её предотвратить. Этический вопрос состоит не в выборе между вечной верностью и немедленным разоблачением. Он требует уточнить, что известно, кто способен действовать, какая информация необходима и какие менее разрушительные способы остаются доступными. Статья рассматривает эту развилку как нравственное рассуждение, а не как инструкцию для чрезвычайной ситуации, заключение о безопасности здания или юридический порядок раскрытия информации. Условная сцена помогает удержать одновременно доверие, ограниченность знания и ответственность перед отсутствующими людьми.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Что именно было доверено

Тайна может касаться личного переживания, чужого адреса, неудачного поступка, служебного документа или обстоятельства, от которого зависит решение других. Все эти случаи объединяет ограничение распространения, но их нравственный вес различен. Если человек поделился стыдом после неприятного разговора, интерес окружающих ещё не делает его рассказ общественно значимым. Если рассказ содержит сведения о препятствии, которое может причинить серьёзный вред участникам мероприятия, появляется другой предмет рассмотрения. Важно назвать этот предмет точно, прежде чем оценивать обещание. Лена получила сообщение о конкретном выходе, а не право исследовать всю жизнь организатора, его семейные отношения и прежние ошибки.

Полезно различать содержание сообщения и условия, на которых оно пришло. Знакомый мог попросить сохранить личный разговор, а Лена могла ответить неопределённо, не поняв масштаба просьбы. Даже явное согласие не делает все будущие обстоятельства одинаковыми. Но не следует задним числом объявлять, что никакого обещания не существовало, только потому, что выполнять его стало неудобно. Можно признать: я приняла ограничение; теперь выяснилось обстоятельство, которое требует пересмотра. Такое признание не решает развилку автоматически, зато не позволяет заменить ответственность удобной версией собственной памяти.

Есть также разница между тайной человека и тайной о третьем лице. Организатор сообщает о сотруднике, который допустил ошибку. Этот сотрудник не выбирал Лену своим доверенным слушателем. Его имя может оказаться ненужным для устранения препятствия. Если вопрос состоит в доступности выхода, объяснение личных мотивов и распространение имени добавляют отдельное вмешательство. Скрытое обстоятельство не даёт одинакового права на все детали, которые были произнесены вместе с ним. Необходимая для действия часть и интересная для окружающих часть должны быть рассмотрены раздельно.

Наконец, слово «тайна» иногда обозначает то, что никто не обязался хранить: человек лишь надеется избежать неприятного вопроса. И обратная ошибка возможна: отсутствие письменного соглашения не превращает доверительный разговор в открытый материал. Нравственное рассуждение учитывает действительное ожидание собеседника, собственный ответ, характер информации и затронутых людей. В нашей сцене условие молчания требует внимания, но не закрывает рассмотрение выхода. В другой сцене, где речь о личной переписке без угрозы третьим лицам, вес ограничения может оказаться существенно выше.

II. Опасность нельзя подменять неприятностью

Слова о предотвращении вреда легко становятся слишком широкими. Вредом называют потерю удобства, возмущение знакомых, уменьшение продаж, нарушение самолюбия или реальную возможность тяжёлого последствия. Если эти различия исчезают, почти любое разглашение получает благородное название. Нужен предметный вопрос: какое событие мы пытаемся предотвратить, кого оно затронет и почему имеющиеся сведения дают основания его опасаться? Лене недостаточно сказать, что организатор ведёт себя плохо. Она должна удержать конкретное обстоятельство: возможно, выход непригоден для использования, а мероприятие предполагает присутствие людей. Нравственная оценка личности не заменяет проверки этого обстоятельства.

Необходимо отделить полученное сообщение от собственного вывода. Знакомый сказал о неисправности; Лена вывела, что ремонт может не завершиться. Он сообщил срок; она предположила, что обещание ненадёжно. Оба вывода могут заслуживать внимания, но их нельзя передавать как уже установленные факты. В сообщении человеку, способному проверить ситуацию, различие должно оставаться видимым. Можно обозначить источник и границу знания без публичного раскрытия переписки: мне сообщили о таком препятствии, сама я его не проверяла, важно выяснить действительное состояние до решения о мероприятии. Этот редакционный пример не предписывает официальный канал или конкретную формулировку для профессиональных обязанностей.

Вероятность и тяжесть последствий тоже не взаимозаменяемы. Редкое тяжёлое событие нельзя считать неважным лишь потому, что оно обычно не происходит. Но и тревожное воображение не подтверждает, что именно такой исход близок. При недостатке компетенции разумно искать проверку у тех, кто может оценить предмет. Философская статья не устанавливает технические требования к помещению и не выдаёт читателю полномочия инспектора. Нравственная ответственность здесь включает признание предела: я могу поставить конкретный вопрос, но не могу самостоятельно объявить площадку безопасной или опасной на основании одного разговора.

В «О свободе» Милль показывает на примере речи о торговцах зерном, что содержание высказывания и обстоятельства его произнесения нельзя оценивать изолированно. Его аргумент относится к свободе и вмешательству, а не к современным правилам конфиденциальности. Для нашей развилки он даёт ограниченное сопоставление: распространение одного и того же сведения разным людям и в разной обстановке может иметь разные последствия. Узкий запрос на проверку и возбуждение публичной толпы не становятся одним поступком оттого, что используют один факт. Этот перенос принадлежит редакции; он не объявляется готовым решением Милля для нашей сцены.

III. Доверие не означает обещания бессилия

Сохранение доверенного создаёт пространство, в котором человек способен признать ошибку до того, как она станет общей бедой. Если каждый рассказ немедленно превращается в обвинение, мотив говорить правду ослабевает. Это нравственное основание бережного обращения с информацией, а не измеренное утверждение о том, как обязательно поведёт себя любой собеседник. Организатор мог рассказать Лене именно потому, что рассчитывал на спокойный разговор. Уважить этот способ обращения можно попыткой сначала обсудить устранение препятствия. Но способность услышать признание не должна означать, что слушатель согласился бесконечно ждать при любых новых обстоятельствах.

Просьба о молчании может быть предложением сохранить достоинство, а может включать требование предоставить опасности свободное развитие. Иногда оба смысла присутствуют одновременно. Человек боится несправедливого наказания и при этом просит скрыть существенный факт. Нельзя решить вопрос, просто выбрав самое благоприятное или самое подозрительное толкование его мотива. Даже добросовестный страх не отменяет вопрос о других людях. И даже сомнительный мотив не разрешает раскрывать всё. Предмет решения — что необходимо сделать с конкретным обстоятельством, а не кто заслуживает окончательного приговора.

В Притчах 11:12–14 молчание разумного человека соседствует с предостережением о разглашении тайны и с ценностью совета. Здесь сохранение доверенного и обращение за рассуждением не изображены одной простой противоположностью. Однако текст не устанавливает сегодняшние полномочия специалиста, процедуру сообщения или исключения из профессиональной тайны. Для нашей сцены он поддерживает осторожность в отношении речи: не всякое знание нужно разносить. Дальнейшее различение адресата и минимального объёма раскрытия является собственным этическим рассуждением статьи, а не скрытым современным регламентом внутри древнего изречения.

Сохранить доверие иногда значит заранее обозначить его предел. Если человек ещё не сообщил содержание, можно не обещать безусловное молчание на любой случай. Если содержание уже известно, честный пересмотр предпочтительнее тайного изменения условий, когда это безопасно и не препятствует необходимому действию. Лена может сказать, что личные подробности останутся при ней, но вопрос доступности выхода требует проверки. Такой разговор не гарантирует согласия знакомого и не снимает неприятности. Его ценность в точности: он отделяет защиту человека от согласия оставлять нерешённым обстоятельство, которое затрагивает других.

IV. Не каждый слушатель является нужным адресатом

После решения, что полное молчание недостаточно, возникает самостоятельный вопрос: кому говорить? Публикация в общем чате часто кажется самым прямым способом добиться внимания. Но большая аудитория не обязательно располагает возможностью устранить препятствие. Она может лишь обсуждать виновных, передавать неточные пересказы и распространять сведения дальше. В нашей сцене сначала нужно понять, кто действительно отвечает за помещение и способен проверить его состояние. Этический критерий адресата связан с предметом действия. Любопытство, близость к Лене или общая неприязнь к организатору не являются достаточными основаниями для включения человека в разговор.

Выбор узкого адресата не означает обязательного доверия любому начальнику. Ответственное лицо тоже может быть заинтересовано в замалчивании или не иметь реальных полномочий. Тогда вопрос не исчезает: необходимо искать способ проверки, соответствующий действительным обстоятельствам и применимым обязанностям. Статья не устанавливает универсальную лестницу обращений и не советует самостоятельно проводить расследование. Она предлагает удерживать различие между человеком, способным предотвратить конкретное последствие, и человеком, который только увеличит число знающих. Эти роли иногда совпадают, но совпадение должно иметь основание, а не предполагаться по громкости или статусу.

При обращении за советом тоже важно не раскрывать лишнее. Иногда можно описать развилку без имён и узнаваемых подробностей. Однако анонимизация не всегда достигается простой заменой имени: в маленьком сообществе описание события само указывает на участников. Отсюда следует дополнительный вопрос: насколько реальное содержание необходимо именно этому собеседнику для разумного ответа? Если ответ требует профессионального знания, имеет значение его действительная роль и условия обращения. Общий чат друзей не становится профессиональной консультацией лишь потому, что среди участников есть человек с соответствующим образованием.

Адресат несёт свою ответственность, а Лена — свою. Передача вопроса не всегда завершает участие: можно уточнить, принято ли сообщение и будет ли проверен предмет. Но такое уточнение не даёт права требовать доступ ко всем документам или командовать людьми, чьи обязанности ей неизвестны. С другой стороны, формальное отправление сообщения не доказывает, что риск устранён. Рассуждение должно сохранять разные состояния: я сообщила; сообщение получено; обстоятельство проверено; решение принято. Это различие помогает не подменить предотвращение вреда самим фактом раскрытия и не объявить собственный поступок успешным раньше свидетельств.

V. Минимальный объём не равен недоговорённости

Раскрыть минимум необходимого — не значит так смягчить содержание, что адресат ничего не поймёт. Если препятствие связано с выходом, нужно передать именно это обстоятельство и границу собственного знания. Необязательные детали о характере организатора можно оставить при себе. Но нельзя назвать проблему «небольшой организационной заминкой», если такое выражение скрывает предмет проверки. Минимальность относится к объёму чужой информации, а не к ясности сообщения. Она требует достаточности: адресат должен понимать, что нуждается в проверке, почему вопрос связан с предстоящим событием и какую неопределённость рассказчик пока не устранил.

Доказательство и демонстрация тоже различны. Иногда для проверки понадобится документ или сообщение. Из этого не следует, что весь разговор нужно выкладывать публично. У отдельного фрагмента есть контекст, без которого смысл может измениться, но контекст не равен всей истории отношений. Разумный объём рассматривается по предмету: какие строки подтверждают обстоятельство, какие объясняют дату, какие содержат личные подробности без отношения к действию? Нельзя обещать, что любая выборка будет достаточной или допустимой в конкретной процедуре. Статья лишь различает подтверждение необходимого факта и показательное выставление человека перед посторонними.

Есть опасность укрыть за минимальностью собственную недостоверность. Если Лена не видела помещение, это ограничение нельзя удалить ради более убедительного сообщения. Если ей известно только обещание ремонта, она не должна выдавать отсутствие ремонта за проверенный факт. Честность о границе знания уменьшает категоричность, но сохраняет возможность уточнения. Адресат сможет проверить предмет, вместо того чтобы разбирать конфликт двух уверенных рассказов. Это особенно существенно, когда последствия серьёзны: ответственное отношение к другим требует не только решимости заговорить, но и отказа усиливать сообщение вымышленной определённостью.

В узком сообщении может остаться много неизвестного. Как возникла неисправность, кто первым заметил её, почему разговор задержался? Не всё необходимо выяснить до постановки вопроса о предстоящем мероприятии. Попытка собрать полную нравственную историю способна отвлечь от предмета, который требует решения. При этом после устранения препятствия вопросы ответственности могут иметь самостоятельное значение для уполномоченных людей. Две задачи не обязаны решаться одним сообщением и одной аудиторией. Предотвращение последствий не отменяет

последующего разбора, а последующий разбор не должен становиться условием того, чтобы заметить конкретную нужду сейчас.

VI. Близость и беспристрастность не совпадают

В «Аналектах» XIII.18 Конфуций иначе оценивает семейное сокрытие проступка, чем собеседник, который хвалит сына за свидетельство против отца. Этот трудный фрагмент не следует превращать в современную рекомендацию скрывать угрозы или преступления. В нём прямо выражена значимость отношений между отцом и сыном для понимания прямоты. Для нашей темы он важен потому, что мешает объявить все традиции сторонниками одной формулы прозрачности. С точки зрения текста, нравственный порядок включает особую близость. Современная редакционная развилка при этом остаётся открытой: какой вес имеют отсутствующие люди и какой поступок допустим при конкретной опасности?

Притчи 24:10–12 обращаются к отказу помочь тем, кто идёт к гибели, и ставят под вопрос оправдание незнанием перед Богом. Это иной религиозный контекст и иной предмет, чем конфуцианский разговор о семейном свидетельстве. Их нельзя расположить как два способа доказать заранее выбранное правило. Сопоставление выявляет напряжение: сохранение отношений и ответственность перед человеком в беде могут потребовать разных вопросов. Статья не решает это напряжение утверждением, что все тексты тайно говорят одно и то же. Она сохраняет его, чтобы читатель не спрятал реальный выбор за удобной ссылкой на единую древнюю мудрость.

Лена знает организатора, но почти не знает гостей. Поэтому его страх для неё конкретен: она видит лицо, слышит объяснение и представляет последствия отмены. Возможные последствия для гостей остаются безымянными. Это различие заметности не доказывает, что она обязательно будет пристрастна, и не является психологическим диагнозом. Оно даёт основание для простого вопроса: изменилось бы моё суждение, если бы среди гостей был близкий мне человек? И обратный вопрос: какие личные детали я сохранила бы, если бы организатор был неприятным незнакомцем? Такие проверки не устанавливают ответ, но делают основание выбора более видимым.

Особая забота о знакомом может выразиться в способе обращения, а не в сокрытии предмета. Можно стремиться избежать унижения, дать возможность самому исправить обстоятельство, не распространять ненужные имена. Это не требует считать его удобство важнее любых последствий для других. Беспристрастность тоже не обязана означать бесчувственную публикацию всего известного. В нашей сцене её содержание связано с тем, что гости не теряют значение из-за отсутствия личной связи. Различие традиций помогает поставить вопрос о близости; конкретный выбор остаётся

ответственностью участников, а не автоматическим результатом сравнительной таблицы.

VII. Согласие желательно, но не всегда завершает вопрос

Если организатор готов действовать, часть развилки может разрешиться без раскрытия личного разговора. Он способен обратиться к ответственным людям, изменить площадку или отложить событие до проверки. Лена может предложить такой путь, не превращая разговор в ультиматум о его нравственности. Однако обещание действовать и действительное устранение препятствия — разные результаты. Если решение других зависит от состояния помещения, одного дружеского заверения может быть недостаточно. Необходимо сохранять вопрос о подтверждении, соразмерном роли каждого. Здесь нет основания требовать от читателя профессионального заключения; есть основание не объявлять проблему исчезнувшей только потому, что разговор стал приятнее.

Полученное согласие на передачу информации облегчает нравственную сторону, но не заменяет проверки объёма. Человек может от страха разрешить распространять всё, включая сведения о других. Он не всегда распоряжается ими единолично. Поэтому даже при его согласии сохраняются вопросы, кто ещё затронут и что действительно нужно сообщить. Согласие организатора на проверку выхода не означает согласия сотрудника на публикацию семейных обстоятельств, которые организатор случайно упомянул. И отсутствие такого согласия не обязательно препятствует сообщению о самом выходе. Предметы различны; смешение создаёт ложную видимость единого разрешения или единого запрета.

Когда согласия нет, риск самооправдания выше. Лена может считать собственную тревогу достаточным основанием для любой формы действия. Но ссылка на предотвращение вреда требует более строгого отношения к средствам: ясного предмета, честной неопределённости, адресата с возможностью действовать и рассмотрения доступных менее раскрывающих путей. Это не формальная процедура допуска и не обещание, что все четыре условия всегда удастся выполнить заранее. В ситуации непосредственной опасности применимы соответствующие местные службы и профессиональные обязанности, которые эта статья не определяет. Этическое упражнение предназначено для спокойного рассмотрения развилки, а не для задержки необходимой помощи.

Иногда сохранить отношения полностью невозможно. Знакомый воспримет обращение как предательство даже после объяснения. Такая реакция заслуживает внимания, но сама по себе не устанавливает неправоту поступка. Столь же неверно считать любую обиду доказательством того, что смелый разоблачитель поступил верно. После действия

остаются вопросы: было ли раскрытие необходимым, достаточно ли точно передан факт, можно ли было уменьшить аудиторию, не появилась ли ненужная публичность? Возможность ответить на них честно важнее образа героя. Нравственная ответственность включает готовность исправить собственное избыточное сообщение, даже когда исходная причина обратиться была серьёзной.

VIII. После раскрытия нужна работа с последствиями

Предположим, что помещение проверили, мероприятие перенесли, а личные подробности разговора не распространяли. Это ограниченное завершение нашей условной сцены, а не прогноз того, как подобные случаи происходят в жизни. Из него нельзя вывести, что раскрытие всегда улучшает ситуацию или что организатор обязан быть благодарен. Можно лишь увидеть несколько отдельных результатов: вопрос стал известен человеку, способному проверить его; информация о препятствии получила проверку; участники не остались зависеть от неуточнённого обещания. Отношения Лены и знакомого при этом могут потребовать отдельного разговора, и техническое решение не заменяет его.

Если сообщение оказалось неточным, необходимо исправлять его перед теми же людьми, у которых возникло ошибочное представление. Недостаточно сказать себе, что намерение было хорошим. Исправление может включать признание границы исходного знания, уточнение факта и просьбу не распространять прежнюю версию. Оно не гарантирует полного восстановления репутации, но выражает ответственность за собственный вклад. Если обстоятельство подтвердилось, это тоже не оправдывает добавленные домыслы о мотивах. Верность одной детали не делает достоверным весь рассказ. Поэтому после результата полезно отдельно оценить предмет сообщения и лишние выводы, которые могли присоединиться к нему.

Доверительный разговор после случившегося может быть трудным. Лена способна объяснить, какую часть она передала и почему, не требуя от знакомого немедленного согласия. Можно признать переживаемую потерю доверия, не соглашаясь с требованием никогда не поднимать подобный вопрос. Новые границы лучше обсуждать конкретно: какие личные сведения останутся закрытыми, какие обстоятельства нельзя заранее обещать скрывать, как будет устроен будущий разговор. Формула о том, что ради добра допустимо всё, разрушает смысл ограничений. Формула о том, что тайна важнее всех отсутствующих людей, оставляет другую сторону без нравственного рассмотрения.

Самое трудное в этой теме — отказаться от окончательно удобной роли. Хранитель тайны может оказаться участником бездействия; решительный говорящий может причинить лишний вред. Эти возможности не требуют бесконечного колебания, но

требуют точного основания поступка. Чужая тайна сохраняет значение и тогда, когда необходимо сообщить конкретное обстоятельство. Предотвращение вреда сохраняет значение и тогда, когда человек просит молчать. Между ними возникает работа с фактами, адресатом, объёмом и последствиями. Она не даёт нравственной неуязвимости, зато помогает выбрать действие, за которое можно отвечать без сокрытия собственных ограничений и без присвоения всей чужой истории.

Что это значит на практике

Для спокойного случая, не требующего немедленной помощи, попробуйте письменно разобрать одно доверенное обстоятельство. Упражнение авторское; его эффективность не установлена исследованием. Не записывайте чужие имена и детали там, где их хранение создаёт новое ненужное раскрытие. Вместо общего слова «тайна» назовите предмет: личное признание, непроверенный рассказ, документ, обстоятельство, влияющее на других. Отдельно отметьте, что обещали вы сами и какое ожидание действительно возникло. Если обещание было неопределённым, сохраните эту неопределённость, а не выбирайте удобный ответ задним числом.

Далее опишите предполагаемый вред конкретным событием. Чем подтверждается, что он возможен? Что вы видели сами, что услышали, что лишь предположили? Кто затронут, но отсутствует в разговоре? Не пытайтесь назначить численный риск без оснований. Если предмет требует специального знания, обозначьте нужду в соответствующей проверке. Разделите возможные способы: разговор с сообщившим, запрос без узнаваемых деталей, обращение к человеку с действительной ролью, более широкое сообщение. Этот перечень не является универсальным порядком и не заменяет применимых профессиональных обязанностей.

Для выбранного способа запишите минимальное достаточное содержание. Что адресату необходимо знать, чтобы понять предмет и границу вашего знания? Какие личные подробности не помогают действию? Где сокращение уже сделало бы сообщение вводящим в заблуждение? Затем представьте перемену близости: сообщивший вам неприятен или, наоборот, среди возможных пострадавших находится близкий человек. Меняется ли не только чувство, но и ваше основание? Завершите разбор вопросом о последующем исправлении: как вы уточните неверный факт и уменьшите лишнее распространение, если ошибётесь? Упражнение должно прояснять ограниченное действие, а не задерживать обращение за необходимой помощью в ситуации непосредственной опасности.

Ключевая цитата

Тех, кто готов быть убитым.

Притчи 24:11, короткий заключительный фрагмент; собственный перевод United Wisdom по King James Version. Полный стих обращён к отказу избавить людей от гибели; следующий стих связывает ответственность со знанием Бога. Фрагмент не устанавливает современный юридический порядок раскрытия тайны.

Связи между традициями

Источник	Собственный вопрос	Ограниченное сопоставление	Граница
Притчи 11:12–14	Разумное молчание, доверенное и совет	Распространение знания требует основания	Не современный регламент конфиденциальности
Притчи 24:10–12	Помощь людям перед гибелью и ответственность перед Богом	Незнание нельзя использовать как удобную отговорку	Не определение компетенции или срочного действия
Милль, «О свободе», III	Свобода речи и обстоятельства причинения вреда	Адресат и обстановка меняют значение сообщения	Не инструкция по раскрытию чужой тайны
Конфуций, XIII.18	Прямота и особые отношения отца и сына	Близость имеет собственный нравственный вес	Сокрытие не превращается в современное общее разрешение
United Wisdom	Условная сцена и ограниченное раскрытие	Различить факт, адресата, объём и последующее исправление	Авторское упражнение без эмпирического обещания

Источники

• Притчи, King James Version, Wikisource. Прочитаны выбранные непрерывные контексты 11:10–18 и 24:10–19. Эпиграф — заключительная часть 11:12, ключевая цитата — заключительный фрагмент 24:11; собственный русский перевод. Права этой исторической редакции не объявляются установленными во всех юрисдикциях.

• John Stuart Mill. On Liberty, Project Gutenberg 34901. Прочитан выбранный начальный контекст главы III, абзацы о свободе мнения, торговцах зерном и обстоятельствах речи. Используется ограниченное различение обстановки; современная процедура сообщения не приписывается Миллю.

• Конфуций. The Analects, James Legge, Project Gutenberg 3330. Прочитан контекст XIII.17–20, особенно XIII.18. Трудное различие семейной прямоты сохранено, а не приспособлено к единой современной формуле. Полные тексты не импортируются и не индексируются.

Теги

тайна, доверие, молчание, раскрытие, вред, ответственность, факт, неопределённость, проверка, обещание, согласие, адресат, аудитория, объём, достоинство, близость, беспристрастность, забота, безопасность, исправление, репутация, личные сведения, третьи лица, этика, Притчи, Милль, Конфуций, общество

Об авторах

Андрей Зариньш — автор и основатель United Wisdom. Исследует внутреннюю трансформацию, единство традиций, межкультурный диалог и современную духовную дисциплину. Instagram: @andrey.zarinsh.

Мария Эвилкут — соавтор United Wisdom. Наряду с исследовательской работой стремится проверять идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.